

Публика отстала навсегда

КАК ВСЕГДА, УМОПОМРАЧИТЕЛЬНУЮ ПРОГРАММУ ПРЕДСТАВИЛ МОСКВИЧАМ

ПИАНИСТ БОРИС БЕРЕЗОВСКИЙ

ФОТО ИТАР-ТАСС

Правая рука ничуть не медленнее левой, доказывает Борис

Трудно представить себе, что нашелся бы гениальный остроумец, с легкостью перемешавший пушкинские «Я помню чудное мгновенье» и «Телегу жизни», не потеряв при этом смысла. В музыке такой гигант был.

Пианист Леопольд Годовский (1870–1938), сверхвиртуоз XX века, остался в истории невероятными слухами и «шейно-кулачно-руко- и пальцевыми» (как говорил про него Нейгауз) обработками классики.

Например, с таким смаком перемешать два Этюда Шопена (соль-бемоль мажорные, № 5 соч. 10 и № 9 соч. 25) можно было только в те времена, когда юноши-молотобойцы и барышни-отличницы еще не затюкали Шопена холодными пальчиками, усеивая поле брани дохлыми мухами. Когда Шопен бытовал (слово мне подсказала Мариэтта Чудакова).

Когда еще даже были живы те, кто вспоминал, как, по рассказам учеников, сам он на ходу вставлял новый пассаж.

У Годовского десятки переложений Этюдов Шопена – да подсыграй, столько там всего наворочено. Борис Березовский, презрев солидность, вроде бы диктуемую завоеванными наградами, всегда привезет из-за границы из-за своей что-нибудь эдакое. Вот публика Большого зала консерватории и услышала наконец эти обработки Шопена. Игрались в параллель этюды в оригинале – потом усложненные версии Годовского.

Когда были «два в одном» (см. выше) – я просто хохотала, как это было остроумно. (Уж молчу, что безукоризненно сыграно!) На что сидящая рядом старушка, изобразив достоинство завсегда-тайки, осуждающе фыркнула: «Не понимаю, зачем вообще обрабатывать Шопена?»

И вот для меня тут рухнуло все! Во-первых, развеялся миф о так называемых консерваторских старушках – да нет их уже, старушек этих, остались их пустые клоны. Вид только один, букельки да кружевца. Массовка в фильме Михалкова.

Во-вторых, докатило, почему публика практически не реагирует, когда Боря Четвертый этуод для молниеносной правой руки играет одной левой рукой! Для баланса выложив правую на пюпитр. Докатило, что публика просто забыла эти этюды! На слух не помнит! Перемешай для нее два стихотворения Мицкевича – имя-то известное, да стихов не знают. И все – смысл тут-то, уж какое тут остроумие.

Вялоотреагировал зал и на этуод, переведенный с черных клавиш на белые (клянусь своим пианино «Petrof» и бабушкиной балалайкой, это невозможно!). В общем, с десятком невероятных «годовских» фокусов особой реакции не вызвали. С отключенными ртами сидели только какие-то студентки с ксероксом нот Годовского. Не зная, куда глядеть – в густые ноты или на такого безмятежного Березовского, доигрывающего головоломный этуод левой рукой сразу и за правую, и за левую.

Вид у него при этом такой: смотрит не на клавиатуру, а куда-то вправо в пол. Один раз я засекла такой взгляд совсем в другом месте: когда опытный хирург, наложив последний шов, не глядя «закручивал последнюю гайку» на животе пациента...

Невиданно. Неслыханно.

Я еще гаркнула на эту дурную бабку: «А вы хоть слышали о Годовском?! О Нейгаузе?! О Блуменфельде?!» «Нет...» – призналась «консерваторская старуш-

ка». Сначала хотела я ее послать куда-нибудь на «Вивальди-оркестр». А потом подумала: ну, она все-таки на Шопена пришла, не на Рому же Зверя все-таки.

Публика отстала навсегда, вздохнул в мою пользу сосед-единомышленник.

...А ведь как это было? Феликс Михайлович Блуменфельд, самый молодой член «Могучей кучки», послал своего одаренного племянника Генриха Нейгауза в Берлин учиться к Годовскому, к «Годониусу». Нейгауз и Блуменфельд профессорствовали потом вместе в Московской консерватории. Рихтер был учеником Нейгауза. А Элисо Вирсаладзе, у которой учился Березовский, одна из трех-четырех последних рихтерианцев... Целая библия.

Рихтер, впрочем, не играл обработок Годовского. Риск гигантский (чего тоже не оценила ленивая умом публика на концерте Березовского). Дома, уверена, прикасался: у Годовского одних только способов игры Первого этюда 72 штуки!

Но мы же теперь свидетели такого технического совершенства музыкантов, где божественные звуки уже не живут, только пальчики блистают. И хочется крикнуть: а нельзя ли и то и другое, господа? Как говорил Аверинцев, я не хочу выбирать!

И то, и другое – это Боря со своей дуряцкой фамилией. Хорошо еще не Ходорковский. Ведь другую часть его выступления составлял тоже не Полонез Огньского, а Николай Метнер (1879–1951), требующий особой, изощренной музыкальности.

Несчастного Николая Карловича по-прежнему величают у нас недо-Скрябиным, недо-Рахманиновым. А это третий титан русской фортепианной музыки начала XX века, переживший свой Серебряный век. Смешно, но «невозвращенцы» (умер в Лондоне) по-прежнему приживаются у нас медленно.

Пять «Сказок», то жутковатых, то робких и трогательных, представили ми-минорную Сонату «Ноч-

ной ветер», посвященную Рахманинову. От нее большое впечатление. Какая прихотливая стихия! Метнера и правда боишься всегда: музыка не на слуху, никогда не знаешь, где кончится сочинение, уж семь раз как можно было бы поставить точку – а нет, пошло дальше... Именно как сказано в эпиграфе: «О, бурь заснувших не буди – Под ними хаос шевелится!..»

До чего же не противно Боря слушать! (Критерий Рихтера.) Это нынче большая редкость. Боря – персонажите. Никакой безвкусицы. Никаких затежек-оттяжек. Никакой рисовки. Так, пальчиком смахнет иногда стекающую со лба огромную каплю. Будто на пляже загорает.

Дура-публика была удостоена лишь одного биса – хрустальной игрушечки Годовского «Старая добрая Вена».

А Боре я позвонила – извиниться за публику и поблагодарить за несказанное удовольствие.

Живет он теперь, оказывается, в Брюсселе. Бывший тенор Маринки Владимир Галузин (лучший Герман в мире), помню, жаловался, что из Бельгии переезжает: сплошные дожди! Но Боря голыми руками не возьмешь: «Дожди – это хорошо. Заниматься буду больше!» (Куда больше-то?).

Вспомнил, как он играл в Москве две тетради Трансцендентных (т.е. заоблачно трудных) этюдов Листа – в один вечер, пять Конcertов Бетховена – в один вечер... Какой-то безумий дурак еще назвал это «спортивным ма-рафоном».

«Боря, а что-нибудь будет в ближайшее время столь же ошеломительное?» – «Из потрясающих вещей, которые мало играют, – Концерт Хачатуряна».

Оп-па!..

Но что это я? Даже если бы Борис Березовский одной левой сыграл на фортепиано «Танец с саблями» (представляю, какие там были бы глиссандо!) – я бы уже не удивилась. Да только где найти для него Годовского?

Наталья ЗИМЯНИНА